

*Дорогому старому другу,
также известному как папа*

Сумасшествие — идеальный способ
приспособления к безумному миру.

*Р.Д. Лэнг¹ (1927–1989),
психиатр от «контркультуры»*

¹ Ранее в российских изданиях его трудов фамилия передавалась также как Лэйнг и Лейнг.

Психиатрическая лечебница «Сосновый край»
Национальной системы здравоохранения
1975 год, Гристорп, Северный Йоркшир

Дождь стучал по перекладинам железных ворот, освещенных фарами ржавого «Моррис Мартина». Желтые отблески упали на покрытую гравием дорожку, и автомобиль, устало шевеля «дворниками», проехал под вытянувшимися над дорожкой кривыми иссохшими ветвями, напоминающими руки древней колдуньи. Ветер свистел, стуча в стекла «Морриса», и раскачивал старые деревья.

Машина со скрипом притормозила у главного входа, разбрасывая шинами мелкие камешки. Открылась дверца водителя, и на улицу, придерживая под мышкой стопку папок, шагнула женщина. Поправила забрызганные дождем очки и поймала соскользнувшую с плеча сумочку. На ее расклешенных джинсах виднелись отпечатки жирных пальцев; судя по всему, выезжать пришлось срочно, не дождавшись окончания ужина.

Порыв ветра выхватил из папки рукописный лист бумаги, и тот мягко спланировал на дорожку. Синие чернила немедленно начали расплываться под дождем. Женщина чертыхнулась и, скомкав поднятый с земли листок, сунула его в бумажный конверт. Обернулась к машине и нетерпеливо махнула рукой чело-

веку, сидевшему на заднем сиденье. Дверца открылась; наружу выбралась худенькая девочка лет пятнадцати, осторожно поставив на дорожку ногу, обутую в высокий ботинок «Док Мартенс», словно опасалась, что земля того и гляди разверзнется под ее ногами. Ей в лицо ударил ветер с дождем, и девочка съежилась.

Она застыла перед входом, окаймленным каменной аркой, и бросила взгляд на возвышавшуюся над дверью высокую башню с часами. Часто заморгала, словно очнувшись ото сна. Одиннадцать вечера... Наверняка друзья закупают в парке, попивают сидр из пластиковых бутылочек, докуривая последнюю сигаретку. Ни тебе обязательных пепельниц, ни заброшенных мусором улиц. Она глянула в нижнее окошко башни, откуда на нее пристально смотрела молодая женщина, пристроив руку козырьком над глазами. За кованой решеткой толком ничего не разглядишь. Так, молочно-белое лицо, привидение какое-то...

Крупная дождевка упала Дженни прямо в глаз, и она, утершись, перевела взгляд на свою обеспокоенную сопровождающую. Та уже прошла в приемный покой, и Дженни потопала следом. Встала у стола, над которым свисала изрядно полысевшая мишура, и уставилась на неодобрительно воззрившийся на нее мраморный бюст.

— Это смотрительница Доусон, — сказала женщина, обратив внимание на немой диалог девочки с памятником. — Веди себя прилично, здесь твои выходы терпеть не будут.

Девочка медленно кивнула и вытерла мокрое лицо рукавом кардигана, размазав тушь по щекам. Женщина, повернувшись к администратору, сообщила

данные новой пациентки. Дженни вжала голову в плечи, словно Алиса в Стране чудес, вдруг попавшая в чуждый ей мир. Ее темные волосы упали на бледное лицо, а тонкие пальцы сжали большой пакет с собранными в спешке необходимыми вещами: бельем, пижамой и даже плюшевым мишкой с клочковатой, местами выщипанной еще в детстве шерстью.

В воздухе раздался вой сирены, сопровождаемый взрывом проклятий в коридоре клиники, и девочка прижала руки к ушам. Оглянулась в поисках источника криков и заморгала, заметив обнаженного по пояс, густо татуированного мужчину. Тот бежал к ней, размахивая бильярдным кием. Деревянная палка зацепила лампу дневного света, и сверху посыпались осколки. Мужчина, хихикнув, бросил безумный взгляд на усеявшее пол стекло.

В коридорах застучали тяжелые ботинки — к татуированному со всех сторон бежали крепкие парни в белых халатах. Началась свалка, и безумца прижали к полу.

— Подонки! — завизжал сумасшедший.

Девочка отняла ладони от ушей и подошла ближе, уставившись, как зачарованная, на покрытое синей вязью татушек тело больного, извивающееся в руках семерых санитаров. Наконец тем удалось зафиксировать бешено дергавшиеся руки и ноги, и мужчина замер на битом стекле.

— Беги, пока можешь! — выкрикнул он. — Завтра будет поздно!

С него стянули грязные джинсы, обнажив молочнобелые ягодичцы, куда тут же глубоко вонзили шприц. Бешеный взгляд мужчины еще раз остановился на

лице девочки; псих усмехнулся, показав гнилые зубы, затем его глаза закатились, и рыхлое тело безжизненно обмякло.

Дженни обернулась к стойке администратора. Женщина, доставившая ее в клинику, шепотом беседовала с дежурной, со знанием дела посматривавшей на новенькую. Наконец женщина двинулась к Дженни, но та, схватив сумку, со всех ног припустила к выходу. Женщина вытянула руку, пытаясь схватить девочку, получила сильный толчок в грудь и вскрикнула от боли. Добежав до тяжелой дубовой двери, Дженни крутанула железную ручку. Заперто! Ударила кулаками в твердое дерево раз, другой и, не сдержав слез, полившихся по горячим красным щекам, отчаянно закричала.

Слева распахнулась другая дверь, и чья-то рука, ухватившись за джинсовую куртку, оторвала несчастную от пола — так охотник торжествуяще поднимает в воздух тушку застреленного зайца. Дженни развернули на весу и вновь поставили на ноги, толкнув в коридор.

Дрожа всем телом, она моргала от света флюоресцентных ламп, а рука продолжала подталкивать ее в глубь лечебницы. Дженни на ходу достала из сумки плюшевого медвежонка и сжала его мягкое пушистое тельце. Над головой танцевали мелкие мотыльки; Дженни тащили все дальше, в царящую в коридорах темноту...

Клиника «К прекрасной себе»
(бывшая психиатрическая лечебница «Сосновый край»)
Декабрь 2002 года

Продвигаясь к первому этажу, лифт загремел и, скрипнув, остановился. Доктор Ребекка Кавендиш минуту постояла, разминая длинную стройную шею, слыша, как пощелкивают позвонки. Расслабилась, смахнув мельчайшие частицы штукатурки со сшитого на заказ костюма, и несколько пылинок опустилось на ее дизайнерские туфельки. Она фыркнула и, смочив слюной белый носовой платок, до блеска протерла носок туфли.

Первый взгляд на окружающий мир Ребекка бросила из детской коляски «Силвер кросс», в которой ее возила нанятая в агентстве нянька. С тех пор прошло сорок пять лет, и основными ценностями в жизни доктора Кавендиш оставались стиль и роскошь, которых она твердо придерживалась, предпочитая обувь от «Маноло Бланик» и шляпки от «Филип Трейси».

Она открыла железную решетку лифта и, распахнув дверцу, шагнула в мрачный, разрисованный граффити коридор. Проход соединял помещения старой психиатрической лечебницы с новой клиникой. Ребекка далеко не первый раз была в этом неотреставрированном закутке — и все же никак не могла привыкнуть к царившему здесь едкому застарелому

духу мочи. Моющие средства его не брали; за много лет зловоние въелось в стены и пол — так масло пропитывает ветошь. Ребекка прижала к носу ладонь и вдохнула изысканный запах духов, невольно подражая викторианским леди, приводившим себя в чувство ароматическими солями.

Открыв дверь напротив лифта, она ступила в свою клинику и тут же заперла замок, отгородившись от вони человеческих выделений. Лучи зимнего солнца пробивались сквозь гранитную толщу туч, подсвечивая оранжевыми отблесками снежно-белые стены и гладкий, покрытый плиткой пол. Ребекка на миг остановилась, купаясь в теплом декабрьском солнце, и ее губы тронула удовлетворенная улыбка. Какие же здесь тишина и покой! Ее клиника...

Тяжелый аромат огромных лилий, стоящих в расставленных по углам вазах, заглушал еще не выветрившийся запах краски. До ремонта многие клиенты жаловались на исходившее от стен странное амбре. Приходилось объяснять, что подобные явления вполне обычны для старинных зданий, равно как и поскрипывание полов, и периодические перепады напряжения. Все это — история. Тем не менее Ребекка не желала лишней критики, потому и наняла дизайнеров, после чего поля для отзывов из бланков клиники решили убрать.

Клиника «К прекрасной себе» расположилась на обширном первом этаже бывшей психиатрической лечебницы «Сосновый край». Здание представляло собой викторианскую махину из красного кирпича, возвышавшуюся на заросшем соснами холме над пришедшим в упадок северным городком Гросторп.

Когда-то он процветал за счет того, что бóльшая часть населения работала в лечебнице. Служащие подобно муравьишкам день и ночь сновали по городу и по склонам холма. Теперь же от Гросторпа остались лишь обшарпанные фасады магазинчиков да длинные очереди, собиравшиеся по четвергам у почтовых отделений. Сначала построили лечебницу, а городок образовался вокруг нее уже после — персоналу нужно было где-то жить. Потом сердце Гросторпа остановилось, и тело его начало гнить и разлагаться.

В дальнейшем Ребекка решила вычистить и привести в порядок второй этаж здания, после чего расширить свои владения. Совет передал ей «Сосновый край» в аренду на ближайшие три года. Год прошел, осталось еще два, и ей следовало доказать свою экономическую состоятельность. Впоследствии бывшую психиатрическую лечебницу можно выкупить: наследство Ребекка получила приличное. В таком случае будущее владелицы и самой клиники станет безоблачным.

Первый этаж отличался симметрией, которая привлекла Ребекку с первого взгляда. Ранее план здания предусматривал разделение пациентов мужского и женского пола, и в каждой половине находилось одинаковое количество палат, зон отдыха и ванных комнат. Между мужским и женским отделениями находились огромная кухня, столовая, библиотека и опоясанная галереей комната дневного досуга. Вход в клинику был утоплен во внушительной каменной арке в самом центре фасада, и за дверями открывался просторный, выложенный богато украшенной плиткой вестибюль.

Ребекка прошла по коридорам, словно вступающая в Рим Клеопатра, — медленной величавой поступью, гордо подняв голову, увенчанную высоко уложенной башней блестящих каштановых волос. Ожидалось прибытие новых клиенток, и этот миг всегда наполнял ее душу возбуждением. Ребекке не требовались рукоплещущие толпы; она успешна — и этого довольно.

Она шла, и ее элегантная фигура отражалась в вычурных настенных зеркалах, развешанных между дверными и оконными проемами. Зеркала достались ей от старой лечебницы, и каждое из них, произведенное в период от начала девятнадцатого и до конца двадцатого века, было отреставрировано в местной мастерской. Они наполняли пространство светом и красотой, неустанно напоминая клиентам о причинах, по которым те очутились в клинике. Первые несколько дней клиенты обычно избегали своих отражений, однако со временем страх уходил, зеркала начинали свидетельствовать о достигнутых в ходе программы результатах, и Ребекка торжествовала. Самоконтроль — путь к успеху; если клиент не желает смотреть в лицо проблеме — чем может помочь главный врач клиники?

Плитку на полах выложили еще в 1899 году, в момент открытия «Соснового края». Ребекке советовали разбить ее и сделать новенькое белое покрытие, подходящее к задуманной ею концепции клиники. Она отказалась наотрез. Каждая царапина и потертость напоминали о когда-то проезжавших по коридорам каталках. Следы безумия... Важнейшая часть истории здания, которую Ребекке хотелось сохранить. Пол

глазуровали, запечатав призраков прошлого под прозрачным слоем.

Глянув в большое антикварное зеркало, она обратила внимание на соринку на плече и сделала шаг вперед. Так и есть — на твидовом пиджаке осело еще несколько мелких чешуек штукатурки. Сбив их щелчком, Ребекка развернулась и заметила движение за окном.

На улице мелькнула темная фигура и исчезла под распростершими кривые ветви дубами, стоявшими вокруг клиники, словно полк деревянных солдат. За лесом лежал внешний мир. Глянув на территорию, Ребекка обнаружила, что двое охранников режут карты на металлических ступенях сторожевой будки. Пришельца никто из них явно не видел. У Ребекки дернулся глаз, и она, стиснув зубы, громко постучала костяшками пальцев в толстое стекло, заставив его задрожать в старинной оконной раме.

Взгляды охранников забегали по окнам. Наконец оба заметили доктора Кавендиш и, быстро собрав карты, бросили их в коробку. Несколько штук выпали; один из мужчин подобрал их и в спешке запихнул в карман брюк. Подхватившись, охранники немедленно двинулись по периметру здания.

На солнце напознала угольно-черная туча. На улице сразу посерело, и лес скрылся за хмурой пеленой дождя.

Ребекка поспешила в приемное отделение. В голове теснились неприятные мысли: кто мог подумать, что так трудно заставить персонал четко выполнять свои обязанности? Две ассистентки — Ким и Тина — помогали с организацией занятий и следили за нуждами